

Н.А. Тернавский

ЭТНОКОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Центральная Азия в этногенетическом аспекте неоднородна; процессы, происходившие в этом регионе, были неоднозначно-позитивными и дискретными. Можно говорить о нескольких этноконтактных зонах, существовавших одновременно в Центральной Азии.

1. **Юго-Восточная этноконтактная зона** зародилась в III тыс. до н.э., там успешно развивалась китайская цивилизация. Я не намерен сейчас ее касаться, хотя она опосредованно влияла на этнокультурные процессы Евразии. Это тема отдельного самостоятельного исследования.

2. **Байкало-Тунгусская контактная зона** названа мною так вследствие того, что здесь распалась прототунгусская общность. Этнические группы, взаимодействовавшие в ней с мезолита, следует отнести к представителям монголоидной расы. Силы, действовавшие в этой зоне, вызывали не столько центростремительное, сколько центробежное движение народов. Это видно, например, по картам «Миграции народов Евразии во II–V веках н.э.» и «Миграции народов Евразии в IX–XI веках», составленным А. Родионовым к статьям Л.Н. Гумилева «Изменение климата и миграции кочевников», «Соседи хазар» [Родионов]. В этой зоне следует искать причины, повлекшие к движению и взаимодействию этнических групп Средней и Восточной Сибири, а также Дальнего Востока. На «Схематической карте основных неолитических культур (IV–II тыс. до н. э.)» [Всемирная история 1955: 113] в этой зоне Байкальская культура охотников и рыбаков контактировала на юге с Центрально-азиатской, на северо-востоке — с Нижнеленской и на западе — с Уральской культурами.

3. **Саянно-Алтайская контактная зона** втягивала в водоворот этнокультурного взаимодействия этнические группы Западной Сибири, Зауралья, Предуралья, Средней Азии, в меньшей степени Монголии, Тибета и Китая. Оговорюсь, что сказанное

в большей степени относится к более поздним историческим эпохам, но есть основания предполагать, что схожие природно-климатические факторы в эпоху энеолита вызывали схожие же процессы.

Весьма важную роль сыграла Минусинская котловина в развитии земледелия региона [Киселев 1951: 258]. В позднем неолите здесь сложилась тазминская культура. Артефакты представлены скульптурными изображениями богов, святилищами. Наскальные изображения запечатлели четырехколесные колесницы, запряженные быками [Файзрахманов 2000:25]. Как свидетельствуют погребения (афанасьевская скотоводческая культура эпохи бронзы (середина III — начало II тыс. до н.э.), в Минусинской котловине обитали носители палеоевропеоидного типа, связанные с предшествовавшими культурами Поволжья и Средней Азии. Европеоидами были и носители андроновской культуры (XVI–XIV века до н.э.), обитавшие в той же Минусинской котловине.

Несколько позже существовала карасукская культура (XII–VIII века до н.э.). Антропологический тип карасукцев определяется исследователями как европеоидный с существенной примесью монголоидности. В массе своей лица карасукцев выше, чем у андроновцев, и уже [Киселев 1951: 299–301].

Краниологические исследования захоронений поздней бронзы Западной Тувы и Монголии Г.Ф. Дебеца, Г.В. Рыкушиной, В.П. Алексеева и Ю.Г. Рычкова «по поводу брахиморфности черепов представителей энеолитической окуневской культуры» привели ученых к выводу о том, что в западных районах Центральной Азии и областях Алтае-Саян существовал древний очаг расообразования, в котором «на основе европеоидного населения при участии монголоидов формировался своеобразный расовый тип — брахикранный, широколицый с сильным выступанием носа и некоторой уплощенностью лицевого скелета» [Алексеев 1961; Рыкушина 2010]. Находки близких окуневским черепов в могильниках лесостепных районов севернее Минусинской котловины IV–III тыс. до н.э. (Перевозное, Долгое озеро) позволяют, по мнению В.А. Дремова, отодвинуть возникновение этого очага до неолитической эпохи [Дремов].

Таким образом, мы вправе отметить, что в интересующую нас эпоху, т.е. до конца IV тыс. до н.э., в Саянно-Алтайской этноконтактной зоне преобладали этнические группы европеоидной расы. Однако уже в этот период сюда проникали и этнокультурные группы монголоидной расы, вступившие во взаимодействие с культурами европеоидов.

Уместно задаться вопросом о том, к какой языковой семье относились протоевропеоиды и монголоиды, контактировавшие здесь. В.А. Дремов утверждает: «Некоторые древние формы средиземноморской расы из Средней Азии и Иранского нагорья эпохи неолита и бронзы представлены в Тулхарском могильнике бишкентской культуры в Южном Таджикистане и имеют сходство с черепами эпохи бронзы из Серахского района близ Ашхабада (курганов Караэлема-Сай в Восточном Прикаспии, поселения Тахирбай III в дельте Мургаба)» [Там же]. Ученый связывает упомянутые погребения со скотоводческим населением, проникшим на юг Средней Азии «из северных районов», и упоминает в этой связи находку неолитического черепа средиземноморского вида у г. Давлетканово на Южном Урале.

В связи с решением вопроса «зауральских» европеоидов уместно привести весьма интересные, на мой взгляд, выводы исследования керамики Северного Казахстана энеолитического периода, сделанные С.В. Захаровым. Ботайская энеолитическая культура, как показывает его работа, тесно связана с Волго-Окским междуречьем (и этнической общностью), территория которого тянулась от Балтийского побережья, включая современную Финляндию, до Западной Сибири [Захаров 2004: 77–84].

Установить эту связь позволили особенности керамики. С.В. Захаров пишет: «Практически решена проблема происхождения веревочной орнаментации» [Захаров 2010: 49–5]. «Традиция украшать керамику оттисками веревочки зарождается в ранне-неолитических культурах типа сперрингс, срязными, нарвская культура, а затем распространяется на территории Волго-Окского междуречья в среде неолитических племен культуры ямочно-гребенчатой керамики и существует в этом регионе вплоть до развитого средневековья. В других регионах такая орнаментация не

бытовала. Племена Волго-Окского междуречья — единственная среда, откуда она могла проникнуть на территорию Северного Казахстана и Зауралья» [Там же: 56].

В.С. Мосин, проанализировав особенности керамики этого периода в культурах Евразии, относит веревочную керамику к раннему этапу энеолита на основании ее присутствия в комплексах с гребенчатой керамикой, украшенной «гусеничкой», рамчатым штампом, отщепово-пластинчатой индустрией типа шувачишских памятников (стоянки Анаповка 1, Суртанды III), и считает возможным датировать временем 4800–4600 л.н. [Мосин, Григорьев, Таиров, Боталов 2000: 214]. В.С. Мосин считает, что в энеолите произошло окончательное разделение финно-угорских племен на финские и угорские с границей по Уральскому хребту. Энеолитическое население Северного Казахстана и Зауралья он отнес к угорской общности [Мосин 2003: 99]. Такой же позиции по принадлежности терсекцев придерживаются С.С. Калиева и В.Н. Логвин [Калиева, Логвин 1997: 148–149].

В Средней Азии отчетливо выделяются две этноконтактные зоны: Приаральская и Южно-Туркменская. Приаральская зона приводила во взаимодействие народы восточной части Среднеазиатского региона с Центральной Азией и, вероятно, с древнейших времен связывала народы Сибири, Монголии и Китая. Она являлась как зоной культурных контактов, так и своеобразной «перевалочной базой» в движении европеоидных этнических групп на Восток и монголоидных — на Юго-Запад. Здесь развивалась самобытная локальная цивилизация, вобравшая в себя достижения народов Востока и Запада. Благодаря древнему торговому пути, получившему в средневековье название «Шелкового», сложились такие государства, как Согдиана и Бактрия.

К сожалению, эпоха энеолита и бронзы этой зоны изучена довольно поверхностно, но и те данные, которые имеются, позволяют говорить о довольно интенсивном взаимодействии этнических групп разных культур и рас. На карте основных неолитических культур культура Приаралья («кельтеминарская») на севере контактировала с Уральской культурой, на востоке — с Центральноазиатской, на юге — с древнеземледельческими культурами Турк-

мении и Ирана. Через эту зону проходили миграции индоарийцев в Индостан, тохаров — в Восточный Туркестан и, вероятно, народов Южного Зауралья и Западной Сибири — на юг Средней Азии и Иранское нагорье.

Гораздо лучше изучены памятники энеолита Южной Туркмении. Здесь открыты и исследованы поселения неолита, энеолита и бронзы, на некоторых из них прослеживается переход этнических групп от присваивающих хозяйственных типов (охоты, рыбной ловли) к производящим — в первую очередь, к земледелию и скотоводству. К наиболее важным центрам этой этноконтактной зоны следует отнести поселения: Джейтун, Анау, Намазга, Карадепе и поселения Геоксюрского оазиса. В этой этноконтактной зоне взаимодействовали этнические группы разных культур Прикаспия, Зауралья, Западной Сибири, Иранского нагорья и Центральной Азии. В.М. Масон и В.И. Сарияниди считают, что в поселения Южной Туркмении на рубеже IV–III тыс. до н.э. проникли переселенцы из Ирана, которые были ассимилированы местным населением [Рыкушина 2010: 16].

Библиография

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы / Антропол. сб. II. М., 1961.

Всемирная история. М., 1955.

Дремов В.А. Антропологические данные о южных связях населения Сибири в эпохи неолита и бронзы / <http://www.kladina.narod.ru/dremov/dremov.htm>.

Захаров С.В. К вопросу о происхождении веревочной техники орнаментации позднеэнеолитической керамики Северного Казахстана // Освоение целинных земель и современное развитие регионов Казахстана и России. Петропавловск, 2004.

Захаров С.В. К вопросу о происхождении ботайской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12).

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай, 1997.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 2003.

Мосин В.С., Григорьев С.А., Таиров А. Д., Боталов С. Г. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск, 2000. Т. 1.

Родионов А. Карты «Миграции народов Евразии во II–V вв. н.э.» и «Миграции народов Евразии в IX—XI вв.»: <http://gumilevica.kulichki.net/maps/art03.html>.

Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры. М., 2010.

Файзрахманов Г.Ф. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. Казань, 2000.

А.Е. Тер-Саркисянц

КАРАБАХСКИЙ ГОРОД ШУШИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

История карабахского города Шуши восходит к древнейшему поселению, о чем свидетельствуют обнаруженные в его окрестностях захоронения II–I тыс. до н.э. В раннесредневековых армянских и персидских источниках Шуши упоминается как крепость-поселение Каркар (VI в.). С 1724 г., во время освободительных войн карабахских армян против персов и турок, именно здесь находился основанный сотником Аваном Юзбаши укрепленный военный лагерь (*сгнах*), в котором были сосредоточены основные силы армянских войск.

После образования в 1752 г. в составе Ирана Карабахского ханства было решено построить его столицу на месте Шушинской крепости, которая в документах тех лет называлась также как Большой сгнах, Крепость Шоша, Кар (от арм. *кар* — камень, здесь — в значении крепость), Караглух и т.п. Поставленный персами во главе ханства предводитель кочевого тюркского племени *джеваншир* из рода *сарыджаллы* Панах Али, переселившись в эту крепость, решил перестроить *сгнах*, укрепив его для защиты от врагов.

В новую столицу с 1756–1757 гг. стали активно переселяться на постоянное место жительства многие армяне из разных мест, причем не только из Карабаха, но и из других армянонаселенных регионов, прежде всего из ближайших областей — Сюника и Нахичевана. Так, в Шуши переселилась часть жителей Казанчи,